

С.А. Оскольская

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Н.М. Стойнова

ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва

СИСТЕМНОЕ И НЕСИСТЕМНОЕ
В ИНВЕНТАРЕ РАЗНОРОДНЫХ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ:
ПОКАЗАТЕЛИ ОТРИЦАНИЯ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский и Приморский край) представлена достаточно богатая и при этом неоднородная система средств выражения глагольного отрицания (ср. 14 форм, приведенных в Таблице 1). Отрицательные формы нанайского глагола можно условно разделить на три морфосинтаксических типа:

а) синтетические формы отрицания, содержащие специализированный суффикс отрицания:

- (1) N'oani   žobo-a-se-ni
3SG   работать-NEG-PRS-3SG
'Он не работает.'

б) регулярные аналитические формы отрицания, состоящие из отрицательной частицы, нефинитной формы лексического глагола, оформленной тем же самым отрицательным суффиксом, и вспомогательного глагола *ta* 'делать':

- (2) N'oani   **эм**   žobo-a   ta-j-ni.
3SG   **NEG**   работать-NEG   делать-PRS-3SG
'Он не работает.'

в) особые аналитические формы отрицания, каждая из которых образуется каким-либо нестандартным способом; ср., например, отрицательную конструкцию прошедшего времени, включающую деепричастие лексического глагола и показатель экзистенциального отрицания (*aba* 'нет, не существует'):

- (3) N'oani   čisəniə   žobo-mi=da   **aba-ni.**
3SG   вчера   работать-CVB.SIM.SG=PART.EMPH   **NEG-3SG**
'Он вчера не работал.'

---

¹Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 16-34-01015а2 «Отрицание в башкирском, калмыцком и нанайском языках и его взаимодействие с видом и временем».

В статье предпринята попытка ответить на следующие вопросы.

1) Есть ли в этом большом и на первый взгляд достаточно хаотичном наборе отрицательных форм закономерности функционального и системного характера? Этому вопросу посвящен раздел 2.

2) Как его удобнее всего описывать с разных точек зрения – с синхронной, с диахронической, в контексте ареально и генетически близких языков, в более широком типологическом контексте? Эти вопросы рассматриваются в разделах 3 и 4.

3) Как распределены конкурирующие (соответствующие одной и той же положительной форме) средства отрицания? Этот вопрос – более кратко, чем два предыдущих, – освещается в разделе 5.

2. Инвентарь показателей отрицания: системные закономерности на синхронном уровне

Система основных показателей отрицания приведена в Таблице 1. Таблица отражает материал найхинского говора, в общих чертах соответствующий приводимому в грамматике «литературного нанайского языка» В. А. Аврорина [1]. Основное обсуждение ниже касается именно этих данных. В других говорах и диалектах наблюдается несколько, а иногда и заметно отличная от описываемой система отрицания, см. раздел 4. В таблице для каждой из отрицательных форм приводятся а) ее схематичная структура, сопровождаемая примером, б) морфологический тип (из указанных выше во вводящем разделе: С – синтетическая, РА – регулярная аналитическая, ОА – особая аналитическая), в) значение и г) парадигматически соответствующая / соответствующие ей положительные формы. Полу жирным выделены основные формы, которые чаще всего употребляются для выражения отрицания в одной модально-временной зоне.

отрицат.	Морфологический тип	значение	утвердит.
V-NEG-PRS-PERS (<i>niru-ə-si-ni</i>)	С	PRS/FUT ('не пишет'; 'не будет писать')	PRS (<i>niru-j-ni</i>)
V-NEG- <i>dA</i> -PRS-PERS (<i>niru-ə-də-si-ni</i>)	С	PRS ('совсем не пишет')	FUT (<i>niru-ʒə-rə</i>)
<i>əm</i> V-NEG <i>ta</i> -PRS-PERS (<i>əm niru-ə ta-j-ni</i>)	РА	PRS ('не пишет')	PRS.ASSERT (<i>niru-rə</i>)
V-NEG-PST-PERS (<i>niru-ə-či-ni</i>)	С	PST ('не написал')	PST (<i>niru-xə-ni</i>)
V-NEG- <i>dA</i> -PST-PERS (<i>niru-ə-də-či-ni</i>)	С	PST ('не написал; не мог написать')	PST.ASSERT (<i>niru-kə</i>)
əčiə V-NEG(-PERS) (əčiə niru-ə(-ni))	ОА	PST ('не написал')	
<i>əčiə=də</i> V-NEG (<i>əčiə=də niru-ə</i>)	ОА	PST ('еще не написал')	

<i>эм V-NEG ta-PST-PERS</i> (<i>эм niru-э ta-xa-ni</i>)	PA	PST ('так и не написал')	
<i>V-CVB.SIM=dA aba-(PERS)</i> (<i>niru-mi=dэ aba-ni</i>)	OA	PST ('не написал')	
<i>эм V-NEG ta-FUT-PERS</i> (<i>эм niru-э ta-žam-bi</i>)	PA	FUT ('не напишу')	FUT (<i>niru-žэ-rэ</i>)
<i>эži V-NEG-(2PL)</i> (<i>эži niru-э</i>)	OA	PROH ('не пиши')	IMP, (IMP2) (<i>niru-ru</i>)
<i>(эм V-NEG ta-IMP2)</i> (<i>эм niru-э ta-xari</i>)	PA	PROH ('не пиши' (в отдаленном будущем))	IMP2 (<i>niru-xari</i>)
<i>эм V-NEG ta-goari</i> (<i>эм niru-э ta-goari</i>)	PA	HORT ('давайте не будем писать')	HORT (-goari) (<i>niru-guэri</i>)
<i>эм V-NEG ta-OPT-PERS=tani</i> (<i>эм niru-э ta-nga-i=tani</i>)	PA	OPT ('ладно, не буду писать')	OPT (<i>niru-nga-i=tani</i>)
<i>эм V-NEG ta-SBJV-PERS</i> (<i>эм niru-э ta-mča-i</i>)	PA	SBJV ('вот бы мне не писать')	SBJV (<i>niru-mča-i</i>)

Таблица 1. Соотношение отрицательных и утвердительных форм

В таблицу не включены (и не обсуждаются далее) отрицательные корреляты нефинитных форм. Не включались также некоторые аналитические отрицательные конструкции, которые встретились только при элицитации в некоторых говорах, их статус до конца непонятен:

- (4) *эм V-NEG bi-PRS-PERS эм V-NEG bi-PSR-PERS*
эм niru-э bi-i-ni эм niru-э bi-či-ni
 'все никак не напишет' 'так и не написал'

Особняком стоят аналитические отрицательные конструкции, соответствующие аналитическим же положительным конструкциям имперфекта и плюсквамперфекта. Поскольку про данные положительные конструкции не очевидно, имеет ли смысл включать их в глагольную парадигму (см. обсуждение в [4]), то и их отрицательные пары на этом основании также остались за пределами рассмотрения.

- (5) *V-NEG-PRS bi-PST-PERS эčiэ V-NEG bi-PST-PERS*
niru-э-si bi-či-ni эčiэ niru-э bi-či-ni
 'долго не писал' 'раньше не писал (а теперь пишет)'

Первое, что бросается в глаза при взгляде на Таблицу 1, – это что а) инвентарь отрицательных форм в нанайском языке больше инвентаря положительных; б) нет прямого соответствия между инвентарями отрицательных и положительных форм: все отрицательные формы в том или ином смысле относятся к асимметричному типу отрицания в терминах [18], то есть некоторым нетривиальным образом (морфологически, парадигматически и/или семантически) соотносятся с соответствующей положительной формой.

Сопоставляя парадигму отрицательных форм с парадигмой положительных, можно отметить естественную корреляцию между частотностью и положением положительной формы в глагольной парадигме, с одной стороны, и тем, сколько и каких отрицательных форм ей соответствует, с другой.

Периферийным и редко используемым положительным формам (гортатив, юссив, оптатив, конъюнктив, «отдаленный» императив, будущее время) либо соответствует по одной регулярной аналитической форме отрицания, либо не соответствует ни одной специализированной формы отрицания (формы утвердительного наклонения, примерным отрицательным коррелятом которых можно считать соответствующие отрицательные формы индикатива).

Только для парадигматически центральных и наиболее частотных глагольных форм засвидетельствованы: синтетические формы отрицания (настоящее и прошедшее время индикатива); нерегулярные аналитические формы отрицания (прошедшее время индикатива и императив); несколько отрицательных форм, которые можно поставить в соответствие одной положительной (прошедшее и настоящее время индикатива).

В Таблице 2 приведены характеристики разных морфологических типов отрицательных форм в терминах большей или меньшей экономности и регулярности их структуры, которые позволяют отчасти объяснить приведенные выше обобщения. Морфологическая экономность в данном случае оценивалась по длине соответствующей формы: синтетические формы «экономнее» аналитических.

Под морфологической прозрачностью понималось наличие / отсутствие морфонологических процессов, сопровождающих образование формы, сложность / простота формальных правил ее образования: аналитические формы «прозрачнее» синтетических.

Под регулярностью в соотношении с другими формами отрицания – то, насколько часто используется данная форма для образования отрицательного коррелята разных положительных форм глагольной парадигмы (регулярная аналитическая форма используется для образования отрицания от большинства видов-временных форм).

Наконец, помимо этих – обычных – морфологических характеристик для отрицательных форм актуальна также характеристика, названная в таблице регулярностью в соотношении с положительной формой. Это, во-первых, морфологическая симметричность / асимметричность по [18]: отличается ли отрицательная форма от положительной только наличием в ней показателя отрицания (под это определение с некоторыми оговорками подходят синтетические формы), во-вторых, шире, имеется ли хоть какое-то сходство в их морфологическом оформлении (для регулярных аналитических форм оно больше, чем для нерегулярных).

	регулярная аналитическая форма	синтетическая форма	нерегулярная аналитическая форма
морфологическая экономность	нет	да	нет
морфологическая прозрачность	да	нет	да
регулярность в со- отношении с дру- гими формами от- рицания	да	нет	нет
регулярность в со- отношении с поло- жительной формой	да/нет	да	нет

Таблица 2. Характеристики разных типов отрицательных форм

В этих терминах приведенные выше эмпирические наблюдения можно дополнить и переформулировать следующим образом.

1) Наиболее регулярная во всех отношениях, но менее «экономная» форма – регулярная аналитическая – доступна для наибольшего числа грамматических контекстов, а для самых периферийных и низкочастотных является единственно возможной.

2) Менее регулярная, но при этом более экономная форма – синтетическая – зарезервирована только за небольшим количеством центральных, высокочастотных контекстов (прошедшее и настоящее время индикатива).

3) Менее регулярная и при этом не самая экономная форма – нерегулярная аналитическая – также способна оформлять только центральные, самые высокочастотные контексты (императив, прошедшее время индикатива).

Граница между 1) и 2)–3) интуитивно понятна: низкочастотные парадигматически периферийные контексты – это те контексты, для которых важно минимизировать усилия, затрачиваемые на порождение формы (про обслуживающие их формы предполагается, что они скорее порождаются по правилам, чем хранятся и воспроизводятся готовыми), и не так важно сократить усилия по их произнесению. Менее очевидно, по какому принципу центральные и высокочастотные грамматические контексты распределились между 2) и 3), т. е. почему в парадигме отсутствуют нерегулярная аналитическая форма настоящего времени индикатива, с одной стороны, и синтетическая форма императива, с другой. Отсутствие синтетической формы императива, аналогичной синтетическим формам индикатива, т. е. морфологически симметричной положительной форме императива, можно связать с бóльшим, чем для индикатива, семантическим различием между положительной и от-

рицательной формами императива (собственно императивом и прохибитивом). См., об этой асимметрии, например, [3: 38]; см. также данные [8], согласно которым ок. 40% выборки языков мира используют форму прохибитива, образованную от положительной формы императива способом, отличным от простого присоединения маркера отрицания.

На материале Таблицы 1 можно сформулировать также следующие закономерности, касающиеся видо-временной и модальной семантики контекстов, обслуживаемых теми или иными формами отрицания.

Во-первых, выявляется корреляция между временной зоной и количеством соответствующих ей отрицательных форм. Наименьшим количеством форм обслуживается футуральная зона, наибольшим – зона прошедшего времени:

- (6) БУДУЩЕЕ (буд. вр., императив, гортатив, оптатив) < НАСТОЯЩЕЕ (наст. вр. индикатива) < ПРОШЛОЕ (прош. вр. индикатива)²

Это не кажется неожиданным. Так, известна, например, аналогичная склонность к большей аспектуальной детализации зоны прошлого по сравнению с настоящим и тем более с будущим (см., например, об этом [10: 71–73]).

Во-вторых, морфологический тип отрицательной формы проводит границу между зонами реализа и ирреализа: только зоне реализа оказываются свойственны синтетические формы (настоящее и прошедшее время индикатива, но не будущее время и не императив).

3. Нанайская система отрицания в диахроническом и ареально-генетическом ракурсе

В разделе 2 нанайская парадигма глагольного отрицания была рассмотрена в «структуралистском» духе с последовательно синхронной точки зрения и исключительно на уровне внутрисистемных отношений. Ниже к такого рода анализу будет добавлено диахроническое и ареально-генетическое измерение. Система отрицания в нанайском языке интересна, в частности, тем, что она, как это видно при сопоставлении ее с аналогичными системами в других тунгусо-маньчжурских языках, представляет собой на синхронном уровне результат неоднородной и неравномерной грамматикализации. Это будет продемонстрировано на примере четырех сюжетов.

В п.3.1 дается общая характеристика эволюции нанайской системы отрицания и обсуждается тунгусо-маньчжурский коннегативный суффикс, эволюционирующий в нанайском языке в собственно отрицательный. В пп. 3.2, 3.3, 3.4 рассматриваются отдельные отрицательные формы, в которых обнаруживаются свидетельства диахронической нестабильности и рудименты более ранних стадий развития системы отрицания: смешанная лично-

²Не учитывалась форма субъюнктива, выражающая ирреальную ситуацию независимо от ее временной референции.

числовая парадигма в синтетической форме настоящего времени, вариативность в оформлении лексического глагола в регулярных аналитических формах и нестандартная позиция клитики в формах категоричного отрицания.

3.1. Эволюция системы отрицания в нанайском языке и проблема «отрицательного» суффикса

Почти во всех отрицательных формах (кроме одной из аналитических форм прошедшего времени) глагольная основа маркируется особым суффиксом (помеченным как -NEG в Таблице 1 выше). Это суффикс $-A^3\sim-rA\sim-dA(-tA)$ (вариант зависит от исхода основы, см. [1: 92]). Он формально совпадает с суффиксом положительной формы настоящего времени т.н. утвердительного наклонения⁴ (наклонения с эмфатическим значением типа 'делает же', см. [1: 92]), ср. парадигму в Таблице 3.

	SG	PL
1р	<i>nirua³mbi</i> 'я же пишу'	<i>nirua³pu</i> 'мы же пишем'
2р	<i>nirua³ci</i> 'ты же пишешь'	<i>nirua³su</i> 'вы же пишете'
3р	<i>nirua³ɬ</i> 'он же пишет'	<i>nirua³ɬl</i> 'они же пишут'

Таблица 3. Парадигма глагола *nigu-* 'писать' в настоящем времени утвердительного наклонения

На синхронном уровне для нанайского языка удобнее описывать эти употребления как употребления двух разных показателей (как это и делается, например, в грамматике В. А. Аврорина). Однако этимологически суффикс, используемый в отрицательных формах и в утвердительном наклонении, возводят к одному и тому же показателю $*-ra$ (см. об этом [9: 124 ff.; 146])⁵. В составе отрицательной формы он, соответственно, исходно скорее «коннегативный», сопровождающий отрицание, а не собственно отрицательный.

Как коннегатив форму с этим суффиксом естественно описывать для северных тунгусских языков. В них представлена система «уральского типа» (см. об отрицании в уральских языках [18]) с отрицательным глаголом и коннегативной формой лексического глагола на $-A$, ср. (7):

³А реализуется как *a* или *ɛ* по правилам сингармонизма – в зависимости от подъема гласных в глагольной основе.

⁴В парадигме настоящего времени этот суффикс используется в качестве единственного показателя, он же – в сочетании с особым суффиксом будущего времени – представлен также в формах будущего времени.

⁵Совпадающий с данным по форме суффикс $-rA-dA$ выступает также как показатель т.н. одновременного деепричастия. Про показатель деепричастия считается, что он исходно состоял из того же суффикса, что в утвердительном наклонении, + падежного суффикса директива ($*ra\text{-}ki\text{-}*da\text{-}ki$), впоследствии подвергнувшегося редукции, см. [9: 137, 143].

- (7) e-wa=da   ə-si-n   baħa-ja
 что-ACC=PART NEG-PRSPST-3SG   находить-CONNeg
 ‘Он ничего не нашел’. – негидальский   [Хасанова, Певнов 2003: 88]⁶

Такую систему, видимо, можно считать диахронически исходной для тунгусо-маньчжурских языков: см. общий обзор стратегий отрицания в тунгусо-маньчжурских языках в [15]; обзор тунгусо-маньчжурских отрицательных конструкций в ряду типологически засвидетельствованных конструкций с отрицательными глаголами в [19: 212–215].

В нанайском языке эта исходная система претерпевает существенные изменения: отрицательный глагол постепенно утрачивает статус изменяемой автономной словоформы – на синхронном уровне в этом качестве он уже не представлен, а представлен на двух разных стадиях грамматикализации в разных типах отрицательных форм⁷.

1) В формах, на синхронном уровне описанных выше как аналитические, прежний отрицательный глагол выступает в виде частицы, застывшей в той или иной грамматической форме (носителями с соответствующей формой она уже не соотносится).

В регулярной аналитической форме отрицания это частица *эм*, восходящая к одновременному деепричастию отрицательного глагола на *-mi*: это деепричастие оформляет здесь исходный сентенциальный акт при вспомогательном глаголе *ta-* ‘делать’:

- (8) эм (<*ə-CVB.SIM) *niruə ta-j-ni* = букв. ‘не деляя писание делает’

В нерегулярных аналитических формах прошедшего времени и императива прежний отрицательный глагол выступает в застывшей форме прошедшего времени и императива соответственно:

- (9) *эциə* < *ə-PST (прошедшее время отрицательного глагола)
эži < *ə-IMP (повелительное наклонение отрицательного глагола).

Прежняя коннегативная форма остается (за одним исключением, о котором см. ниже) без изменений.

2) В синтетических формах отрицания прежний отрицательный глагол «склеивается» с прежней формой коннегатива⁸:

- (10) *niru-ə-či-* < *niru-ə+ ə-či-* (ə-PST) ‘не написал’
niru-ə-si < *niru-ə+ ə-si-* (ə-PRS) ‘не пишет’

⁶Глоссирование наше. – С. О., Н. С.

⁷Сведения о диахроническом развитии отрицательных форм в нанайском языке приводятся по [15].

⁸См. в [1: 96] более подробные рассуждения о развитии этих форм, в частности предположения, касающиеся нестандартного порядка компонентов (бывшего коннегатива и бывшего отрицательного глагола) в синтетической форме.

Наряду с формами, произошедшими из конструкции с отрицательным глаголом и формой коннегатива, в нанайском языке появляется также инновационная отрицательная форма прошедшего времени с показателем экзистенциального отрицания *aba*. И это единственная форма, в которой, соответственно, никаких рудиментов коннегатива и отрицательного глагола не обнаруживается:

(11) *niru-mi=də aba-* = букв. ‘пища не существует’

Вернемся к вопросу о суффиксе *-A~-rA~-dA(-tA)*. Описанная перестройка системы отрицательных показателей в нанайском языке влечет за собой, в частности, изменение его статуса от показателя, сопровождающего отрицание, к собственно отрицательному показателю. С какой из стадий этого процесса мы имеем дело на синхронном уровне, не до конца очевидно. Интерпретацию усложняет продемонстрированная выше неоднородность в эволюции показателей отрицания. Для аналитических форм с отрицательной частицей этот суффикс можно было бы по-прежнему считать коннегативным. Для синтетических форм такая интерпретация куда менее приемлема: основа отрицательного глагола в них сливается с обсуждаемым суффиксом, на синхронном уровне не вычленима и морфологически отчетливого отдельного показателя отрицания (такого как отрицательная частица в аналитических формах) не образует. В форме настоящего времени при этом используется уникальный временной показатель *-si* (наследуемый из особого спряжения отрицательного глагола) и – принимая предположение о коннегативном статусе обсуждаемого суффикса – можно было бы считать, что отрицание выражается не им, а (кумулятивно) этим временным показателем (подробнее о синтетической форме настоящего времени см. ниже п.3.2). В форме прошедшего времени временной показатель также нестандартный, но при этом не уникальный для отрицательных форм – этот же аффикс *-či* используется и в одном из непродуктивных типов спряжения положительного глагола: ср. *bi-či-ni* ‘был’, *ga-či-ni* ‘купил’. В связи с этим для синтетической формы прошедшего времени единственным выразителем семантики отрицания оказывается бывший коннегативный суффикс, который в данном случае уже нельзя не считать собственно отрицательным, см. Таблицу 4.

тип форм	показатели
аналитические формы (кроме V-CVB.SIM= <i>dA aba</i>)	отрицат. суффикс + отрицательная частица
синтетическая форма PRS	отрицат. суффикс + особый показатель PRS
синтетическая форма PST	отрицат. суффикс

форма прош.вр. V-CVB.SIM= <i>dA aba</i>	показатель экзистенциального отрицания
---	--

Таблица 4. Средства выражения отрицания в разных типах форм

Если, таким образом, из-за наличия синтетической отрицательной формы прошедшего времени считать обсуждаемый суффикс в нанайском языке на синхронном уровне уже собственно отрицательным, то во всех остальных содержащих его отрицательных формах следует постулировать двойное отрицание, см. ниже п.4.3⁹.

3.2. Синтетическая отрицательная форма настоящего времени

Дополнительного комментария требует синтетическая отрицательная форма настоящего времени. Морфологически она выглядит как V-A-*si*-. Как отмечалось выше, «отрицательный» суффикс -A совпадает с суффиксом утвердительного наклонения. Поскольку парадигматически форма V-A-*si*- соответствует не только настоящему времени индикатива, но и настоящему времени утвердительного наклонения, возникает вопрос о том, нельзя ли считать -A в ее составе не показателем отрицания (V-NEG-PRS.NEG), а показателем утвердительного наклонения и как единственный выразитель семантики отрицания трактовать суффикс -*si* (V-NPST.ASSERT-NEG). Ответить на этот вопрос можно, обратившись к лично-числовой парадигме этой формы. При трактовке ее как индикатива с отрицательным суффиксом парадигма ожидается такая же, как у положительных форм индикатива. При трактовке ее как отрицательной формы утвердительного наклонения – как у положительных форм утвердительного наклонения. В реальности лично-числовая парадигма у этой формы индикативная (что в целом позволяет все-таки отклонить высказанное предположение), но при этом для первого лица единственного и третьего лица множественного числа в качестве параллельных вариантов допускаются и показатели, характерные для утвердительного наклонения, см. Таблицу 5.

	SG			PL		
	NEG	INDIC	ASSERT	NEG	INDIC	ASSERT
1p	-i~-mbi	-i	-mbi	-pu		
2p	-si	-si	-či	-su		
3p	-ni	-ni	-Ø	-či~-l	-či	-l

Таблица 5. Лично-числовая парадигма: презенс под отрицанием vs. презенс индикатива, ассертива

⁹Ср. альтернативный анализ в [17: 62–63], где для синтетических форм постулируются слитные формы -*Asi* (NEG.PRS) и -*Ači* (NEG.PST) и -A не выделяется в качестве отдельного показателя.

3.3. Проблема вариативности V-NEG ~ V-NEG-m ~ V-NEG-mi

В. А. Аврорин [1: 114] отмечает в найхинском говоре вариативность в оформлении лексического глагола в аналитических формах с *ta-*: помимо отмеченной выше формы V-NEG может встречаться форма V-NEG-*m* или V-NEG-*mi*.

- (12) Ми эм дёбо-а-м(и) та-дям-би
1SG NEG работать-NEG-CVB.SIM.SG делать-FUT-1SG
'Я не буду работать'.

Суффиксом *-mi* (с возможной редукцией *-m'* и *-m*) оформляется в нанайском языке одновременное деепричастие – то же, к которому восходит застывшая отрицательная частица *эм* в составе рассматриваемых аналитических конструкций. В связи с этим можно предложить следующее объяснение наблюдаемой вариативности. Синтаксическая вершина конструкции – вспомогательный глагол *ta-* – требует в позиции сентенциального актанта формы деепричастия на *-mi* (как, например, фазовые глаголы). Изначально в этой форме был входивший в конструкцию отрицательный глагол (*эм). На синхронном уровне отрицательный глагол превращается в застывшую частицу, которая уже не осознается носителями как форма деепричастия (*эм*), и валентность глагола *ta-* оказывается незаполненной. Образовавшуюся лакуну и заполняет лексический глагол, принимая форму одновременного деепричастия¹⁰.

3.4. Отрицательные формы с =dA

Интересна в контексте проблематики грамматикализации особая серия форм категоричного отрицания, включающая элемент *dA*. За пределами системы отрицания этот показатель выступает как эмфатическая частица с разнородным кругом употреблений (13). По морфосинтаксическим свойствам =*dA* в утвердительном контексте – энклитика.

- (13) **əniə=də:** žog-du bi-i
мать=PART дом-DAT быть-PRS
'{Отец охотился.} Мама же дома была...' (текст, найхинский говор, Дарга, 2011 г.)

Встраиваясь в систему отрицания, частица =*dA* формирует особую подпарадигму категоричного отрицания (см. Таблицу 1 и п.5). В этом употреблении частица получает нехарактерную позицию суффикса, занимая в синтетичес-

---

¹⁰В. А. Аврорин также допускает и противоположную интерпретацию, при которой форма V-NEG-CVB.SIM, наоборот, признается исходной (и сохраняющейся в аналитических конструкциях в качестве рудиментарной), а V-NEG инновационной (результатом ее редукции). Данные других тунгусо-маньчжурских языков такую трактовку, впрочем, как будто бы не подтверждают.

Во-вторых, разные отрицательные формы нанайского глагола иллюстрируют разные типы формальных несоответствий между отрицательной и положительной формой, в т.ч. редкие и неоднозначные.

а) Аналитические отрицательные формы

Все эти формы относятся к типу A/Fin: асимметричное отрицание, при котором финитной положительной форме под отрицанием соответствует аналитическая конструкция с нефинитным (или утрачивающим отдельные признаки финитности) лексическим глаголом. В классификации М. Миестамо этот тип асимметричного отрицания далее подразделяется на более частные типы в зависимости от того, к чему присоединяется показатель отрицания – к лексическому глаголу (A/Fin/Neg-LV), к финитному элементу (A/Fin/Neg-FE) или ко всей клаузе (A/Fin/Neg-Cl), в отдельный тип вынесены конструкции с отрицательными глаголами (A/Fin/Neg Verb).

Диахронически исходная для большинства аналитических конструкций и не засвидетельствованная собственно в нанайском конструкция с отрицательным глаголом *ə- и формой коннегатива принадлежит, соответственно, к последнему типу – A/Fin/Neg Verb. Развившиеся из нее аналитические формы, в которых отрицательный глагол подвергается грамматикализации, а коннегативный суффикс реинтерпретируется как отрицательный, вписываются в эту классификацию с большим трудом и могут быть отнесены к нетривиальным смешанным типам.

В регулярных аналитических формах отрицания *эм* V-NEG *та-* финитным элементом оказывается глагол *та-* ‘делать’ (что типологически характерно для класса A/Fin). Он выступает в положительной форме, а лексический глагол – в отрицательной (по крайней мере, если интерпретировать *-А* как отрицательный суффикс, см. обсуждение в п. 3.1 выше): в этом смысле этот случай принадлежит к типу A/Fin/Neg-LV (отрицание на лексическом глаголе). При этом в конструкции представлен еще один отрицательный маркер – частица *эм* (застывшая деепричастная форма отрицательного глагола), про которую не вполне очевидно, к какому из элементов конструкции он относится. Структурно – по крайней мере на более раннем этапе диахронического развития – ее можно было бы отнести к финитному вспомогательному глаголу (синтаксически форма деепричастия соответствует позиции сентенциального актанта при нем), линейно она примыкает к лексическому глаголу – и на синхронном уровне это, видимо, следует все же считать двойным маркированием лексического глагола. По данным [18: 183] для типа A/Fin/Neg-LV наиболее частотна ситуация, когда лексический глагол маркируется отрицательным аффиксом, а автономная частица или двойное маркирование частицей и аффиксом для лексического глагола (в отличие от вспомогательного) представлено в типологической выборке единичными примерами.

Аналитическая форма прошедшего времени *ǰiǰ* V-NEG-PERS происходит из конструкции с финитным отрицательным глаголом (в форме прошедшего времени) и формой коннегатива, тип A/Fin/Neg Verb. Финитного вспомогательного глагола вроде 'быть' или 'делать' она, в отличие от рассмотренных выше форм, не содержит. На синхронном уровне *ǰiǰ* утрачивает свойства финитного элемента, и их отчасти приобретает лексический глагол (на нем оказываются маркеры лица и числа, тогда как *ǰiǰ* не имеет никаких выделяемых на синхронном уровне словоизменительных показателей), см. ниже п.4.2. При этом полноценным финитным элементом форму лексического глагола считать, видимо, все же нельзя. Таким образом, данная отрицательная конструкция примыкает к типу A/Fin, не относясь в точности ни к какому из типологически релевантных его подклассов и представляя собой некий промежуточный случай. Можно было бы считать, что этот случай относится к редкому типу A/Fin/Neg-Cl, т. е. что *ǰiǰ* функционирует как частица, отрицающая всю клаузу, — однако этот тип не предполагает наличия других отрицательных показателей. С другой стороны, можно было бы считать, что данная форма относится к типу A/Fin/Neg-LV с двойным маркированием отрицания на нефинитном лексическом глаголе, но в конструкции этого типа ожидался бы еще и вспомогательный глагол. В любом случае типологически нетривиально, что — при обеих интерпретациях — в отрицательной конструкции не содержится никакого «полноценного» финитного элемента.

Стоящая особняком конструкция прошедшего времени с показателем экзистенциального отрицания *aba* и формой одновременного деепричастия лексического глагола также представляет собой неоднозначный случай. Лексический глагол в ней выступает в нефинитной форме без показателя отрицания. Отрицательным элементом является маркер *aba*. По морфосинтаксическим свойствам он не похож в точности ни на одну из имеющихся в нанайском языке часть речи, но более всего напоминает прилагательное в предикативной позиции (ср. *mi: ʒobomi=da aba-i* 'я не работал' = букв. 'я работающий отсутствующий (*aba*-1SG)'). Полноценным отрицательным глаголом (тип A/Fin/Neg Verb) его считать нельзя, равно как и супплетивной отрицательной формой бытийной связки (тип A/Fin/Neg-FE), см. подробнее [20].

б) Показатели с частицей =dA

В качестве одного из типологически характерных типов асимметричного отрицания М. Миестамо приводит тип A/Emph, при котором в качестве элемента отрицательной конструкции в нее добавляется маркер с исходным эмфатическим значением. При этом собственно эмфатическое значение частица теряет. В нанайском языке представлены два типа отрицательных конструкций с использованием эмфатического маркера (частицы =dA). Это, во-первых, упоминавшиеся выше (п.3.4) формы категоричного отрицания, а во-вторых, нерегулярная аналитическая форма прошедшего времени V-CVB.SIM=dA *aba*.

Для первых вопрос о рассмотрении в них частицы =dA как собственно элемента отрицательной конструкции при этом остается спорным: будучи достаточно конвенционализированным и имея, как указано выше, более морфологизованный, чем обычно статус, частица сохраняет, тем не менее, семантику, в целом сводимую к исходной эмфатической. Второй случай кажется более «чистым»: в составе аналитической формы прошедшего времени можно говорить о полной десемантизации =dA. Впрочем, следует отметить, что в качестве элемента этой формы частица выступает факультативно. Подробнее см. [20].

4.2. Распределение грамматических категорий между лексическим глаголом и вспомогательным элементом

Интересным с типологической точки зрения оказывается уже упомянутое выше распределение грамматических категорий между лексическим глаголом и вспомогательным элементом в аналитических отрицательных формах. В [11] на материале уральских конструкций с отрицательным глаголом и нефинитной формой предлагается следующая иерархия (см. также ее обсуждение на более широком материале в [16]). На левом конце шкалы находятся категории, склонные к маркированию на отрицательном глаголе, на правом – склонные к маркированию на нефинитной форме лексического глагола.

- (15) вспомогательный элемент > лексический глагол
ИМПЕРАТИВ > ВРЕМЯ/ЛИЦО/ЧИСЛО > НАКЛОНЕНИЕ > АСПЕКТ
> ЗАЛОГ

Попытка встроить в эту иерархию данные нанайской системы, где бывший отрицательный глагол грамматикализуется в частицу (т.е. системы несколько отличной от тех, для которых иерархия была изначально предложена), дает следующие результаты (полужирным в (15) выделены релевантные категории).

1) В императивной форме *əʒi* V-NEG-PERS собственно императивное значение можно считать выражаемым частицей (частица *əʒi* используется только в императиве), а лично-числовым показателем оформляется лексический глагол. Это вписывается в иерархию (15)¹¹.

2) Для формы прошедшего времени *əʒiə* V-NEG-PERS можно считать, что время в ней выражается частицей (ни в каких других формах частица *əʒiə* не используется, лексический глагол временного показателя не содержит), а

---

¹¹См. также в [15: 143], где прохибитивные конструкции обсуждаются с точки зрения этой иерархии на материале разных тунгусо-маньчжурских языков, в т.ч. таких, в которых, в отличие от нанайского, в показателе прохибитива на синхронном уровне выделяется обычный для данного языка императивный суффикс.

лицо/число, как и в предыдущем случае, – лексическим глаголом. Это менее ожидаемо: иерархия (15) подобного расщепления не предсказывает.

4.3. Нанайские данные с точки зрения циклов грамматикализации

Описанную выше (п.3) реинтерпретацию суффикса -А из коннегативного в отрицательный можно рассматривать с точки зрения т. н. цикла Есперсена, т. е. в контексте широко засвидетельствованной в языках мира циклической смены показателей отрицания с переходным этапом двойного отрицания (см. [16]; [6]; [13] и мн. др.):

(16) NEG1 > NEG1+NEG2 > NEG2

Система, засвидетельствованная в нанайском языке, иллюстрирует в разных ее фрагментах две стадии этого процесса. В аналитических формах мы имеем дело с переходной стадией двойного маркирования отрицания (отрицательная частица и суффикс). Следующий этап представлен в синтетической форме настоящего времени, где в качестве рефлекса отрицательного глагола остается особый временной аффикс (и это, таким образом, можно считать все еще двойным маркированием отрицания (V-NEG1-PRS.NEG2)). В синтетической форме прошедшего времени имеет место конечная стадия, когда новый показатель отрицания (суффикс) становится единственным средством его выражения. Начальная же стадия этого процесса не засвидетельствована в нанайском, но обнаруживается в других тунгусо-маньчжурских языках (аналитические конструкции, в которых отрицание выражено только с помощью вспомогательного глагола, а суффикс на лексическом глаголе является коннегативным, а не собственно отрицательным).

Интересно, что обычно цикл Есперсена рассматривается на примере систем, где показатели отрицания грамматикализуются из лексических адвербиальных модификаторов (как во французском языке, для которого этот механизм был впервые описан). Такие модификаторы в силу своих синтаксических свойств могут легко опускаться, поэтому в обычном случае: а) имеет место несколько промежуточных стадий синхронной вариативности, когда двойной показатель используется наряду со старым или новым наряду с двойным, б) конечная стадия является результатом опущения старого показателя. В нашем же случае цикл Есперсена наблюдается в системе другого типа – с отрицательным глаголом, постепенно подвергающимся формальной и семантической редукции. Здесь – в силу совершенно иной синтаксической структуры исходной конструкции – ни старый, ни новый показатель отрицания опускаться не могут. За счет этого промежуточных стадий описанного вида на таком материале не наблюдается (зато имеет место промежуточная стадия другого рода: показатель отрицания + нестандартный временной аффикс как рефлекс второго, утраченного показателя отрицания), а конечной стадии цикл может достигать только за счет полной формальной редукции

старого показателя, но не его опущения (как это и происходит с основной отрицательного глагола в синтетической отрицательной форме прошедшего времени, см. п.3.1).

В контексте цикла Есперсена можно рассматривать и формы категоричного отрицания с эмфатической частицей =dA (см. п.3.4). Если считать, что эмфатическая частица в таких формах движется в сторону реинтерпретации в показатель отрицания (для наблюдаемого этапа, впрочем, можно говорить только о самом начале этого процесса, см. выше), то аналитические формы категоричного отрицания иллюстрируют систему с более экзотическим (хотя и засвидетельствованным в языках мира) сочетанием в одной форме трех показателей отрицания – отрицательной частицы, отрицательного суффикса и эмфатической частицы в отрицательной функции: **эм niru-ə=də ta-j-ni**

Еще один цикл грамматикализации, о котором можно говорить применительно к нанайской системе отрицания, – это цикл эволюции показателей экзистенциального отрицания в показатели глагольного отрицания, рассмотренный на типологическом материале В. Крофтом (см. [12]):

(17) ...тип А> тип В> тип С > тип А...

	контекст экзистенциального отрицания	контекст глагольного отрицания
тип А	показатель глагольного отрицания	показатель глагольного отрицания
тип В	показатель экзистенциального отрицания	показатель глагольного отрицания
тип С	показатель экзистенциального отрицания	показатель экзистенциального отрицания

В нанайском языке показатель экзистенциального отрицания *aba* ('нет, не существует') используется как элемент конструкции глагольного отрицания в одной из аналитических форм прошедшего времени – V-CVB.SIM=dA *aba* ('не делал', букв. 'делая не существует'). Формально принадлежа к классу случаев, описанных В. Крофтом, эта форма не вполне вписывается в предлагаемый им цикл эволюции показателей отрицания. Как кажется, аналитическая форма прошедшего времени с *aba* на самом деле не возникает в рамках цикла Корффа, предполагающего системную смену показателя глагольного отрицания показателем экзистенциального, а встраивается в систему «на законных основаниях», как эквивалент положительной имперфективной конструкции с глаголом 'быть' (V-CVB.SIM *bi-*, букв. 'делая есть'). См. подробнее об этом процессе [20], ср. также описание подобных случаев на другом материале в [21]; [22].

на о распределении синтетической и аналитической отрицательных форм настоящего времени по акциональным классам:

«Можно отметить лишь, что при основах, обозначающих одновременно и краткие и длительные действия, синтетическая форма обнаруживает большее тяготение к кратким действиям, тогда как трехчленная аналитическая, наоборот, тяготеет скорее к длительным действиям» [1: 97].

6. Заключение

Подводя итог описанию показателей глагольного отрицания в нанайском языке, можно отметить несколько ключевых особенностей. Во-первых, отрицательная парадигма нанайского глагола не вполне соответствует афfirmативной парадигме, в т. ч. несколько отрицательных форм/конструкций могут соответствовать одной афfirmативной. В инвентаре средств отрицания наблюдается корреляция между количеством отрицательных форм/конструкций, которые могут соответствовать одной положительной, и их временной референцией (в зоне прошлого наибольшее число отрицательных форм, а в зоне будущего — только одна). Во-вторых, нанайский язык обладает набором средств отрицания, которые различаются прежде всего по своей морфологической структуре. При этом морфологический тип отрицания коррелирует с частотностью и парадигматическим статусом форм: основные, наиболее частотные формы (настоящее и прошедшее время индикатива, императив) выбирают синтетическое отрицание или особую аналитическую конструкцию, маргинальным формам (гортатив, оптатив и пр.) соответствует регулярная, морфологически прозрачная, аналитическая конструкция. Помимо свободного варьирования, выбор той или иной формы отрицания может быть связан с диалектным варьированием или с семантическими особенностями контекста.

С диахронической точки зрения нанайская система отрицания представляет собой результат неравномерной грамматикализации исходной системы с отрицательным глаголом (для разных форм наблюдаются разные ее стадии). Из этого следуют интересные в типологическом ракурсе особенности нанайской системы отрицания. Так, представленная система отрицания не вполне тривиальным образом вписывается в типологию отрицательных показателей (ср. [16]). Кроме того, она обнаруживает на синхронном уровне ряд нетривиальных морфологических особенностей (ср. формы с клитикой =*dA* в суффиксальной позиции, формы лексического глагола на *-mi* в аналитической конструкции, распределение временных и лично-числовых показателей между лексическим глаголом и вспомогательным элементом). Также система отрицания оказывается интересна в контексте грамматикализационных циклов (цикла Есперсена и цикла Крофта): с одной стороны, в нанайском языке можно обнаружить явления, находящиеся на какой-нибудь из стадий приведенных циклов, с другой стороны, эти примеры оказываются не самым типичным в типологическом плане материалом для иллюстрации этих циклов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ASSERT – утвердительное наклонение; CONNEG – коннегатив; CVB – деепричастие; DAT – датив; EMPH – эмфаза; FUT – будущее время; HORT – гортатив; IMP – императив; IMP2 – отдаленный императив; INDIC – индикатив; LOC – локатив; NEG – отрицание; OPT – оптатив; PART – частица; PERS – лично-числовой показатель; PL – множественное число; PROH – прохобитив; PRS – настоящее время; PRSPST – общее время; PST – прошедшее время; SBJV – субъюнктив; SG – единственное число; SIM – одновременность; TNS – время; V – глагольная основа.

Библиография

1. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
2. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций / Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 5–50.
3. Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien / SEC Publications, 2012.
4. Оскольская С. А. Грамматикализация глагола *bi-* ‘быть’ в нанайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI. Ч. 3. Исследования по монгольским языкам / Рыкин П. О. (ред.). СПб.: Наука, 2015. С. 743–754.
5. Хасанова М. М., Певнов А. М. Мифы и сказки негидальцев / ELPR Publications Series A2-024. Осака, 2003.
6. van der Auwera J. The Jespersen cycles. Cyclical change / Gelderen E. (ed.). Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2009.
7. van der Auwera J., Miestamo M. Negation and perfective vs. imperfective aspect. From now to eternity / Mortelmans J. et al. (eds.). Cahiers Chronos, 20. 2011.
8. van der Auwera J., Lejeune L. (with V. Goussev). The Prohibitive. The World Atlas of Language Structures Online / Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013.
9. Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1955.
10. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
11. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages. Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Vol. VI / Osmo Ikola (ed.). Turku: Suomen kielen seura, 1981. P. 350–355.
12. Croft W. The evolution of negation. Journal of Linguistics, 27. 1991. P. 1–39.
13. Hansen M.–B. M. Negative cycles and grammaticalization. The Oxford Handbook of Grammaticalization / Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 570–579.

14. Haspelmath M. The diachronic externalization of inflection. *Linguistics*, 31, 1993. P. 279–309.
15. Hölzl A. A Typology of Negation in Tungusic. *Studies in Language*, 39 (1), 2015. P. 117–157.
16. Jespersen O. Negation in English and Other Languages. (Kønlige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser I, 5). Copenhagen: Høst, 1917.
17. Ko D., Yurn G. A description of Najkhin Nanai. Seoul: Seoul University Press, 2011.
18. Miestamo M. Standard Negation. The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2005.
19. Payne J. R. Negation. *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Clause structure / Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 197–242.
20. Stoynova N., Oskolskaya S. The evolution of the existential negation marker in Nanai. Handout of the talk given at the 12th conference on typology and grammar for young scholars (Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, 21st of November, 2015).
21. Veselinova L. The Negative Existential Cycle Revisited. *Linguistics*, 52 (6), 2014. P. 1327–1389.
22. Veselinova L. The negative existential cycle viewed through the lens of comparative data. *Cyclical Change Continued* / Gelderen E. (ed.). Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2016.